

Викторина
СМИРНОВА

ВОЛШЕБНОЕ
ЧИСЛО 3

ФТМ

Виктория Смирнова

Волшебное число 3

«ФТМ»

2019

Смирнова В. Д.

Волшебное число 3 / В. Д. Смирнова — «ФТМ», 2019

Новая повесть о ведьмах писательницы Виктории Смирновой посвящена непростому пути поиска себя в этом мире и своей любви, способной кардинально изменить жизнь не только главных героев произведения, но всех, кому повезло оказаться в самом водовороте истории девушки с удивительным именем Дамаск. Судьба наделила девушку сверхъестественными способностями, которые передала девочке ее бабушка. И однажды, следуя закону магии, ведьмина дочь оказывается перед выбором – как ей дальше жить, кто останется рядом с нею и сможет ли она когда-нибудь полюбить.

© Смирнова В. Д., 2019

© ФТМ, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктория Смирнова

Волшебное число 3

Часть первая

Глава 1

Моя история началась за несколько часов до моего рождения. Я решила появиться на свет на две недели раньше положенного срока, и этому совсем незначительному случаю суждено было повлиять на всю мою дальнейшую жизнь. Но о том, что я родилась раньше на две недели, я узнала спустя многие годы. А начну своё повествование с того момента, когда ко мне и моей маме, приехала тётя Лена.

Мне было четыре года. Отца у меня не было, и мы с мамой жили в комнате общежития при швейной фабрике, где она работала. Фабрика находилась в небольшом городе N Новосибирской области, и мама приехала в него из деревни. Свою бабушку я никогда не знала, и мама мне о ней ничего не рассказывала. Но у каждого настаёт момент, когда дети начинают задавать вопросы.

– Мама, а у меня есть бабушка, как у других детей? – спросила я в один день, когда задумалась о полноценной семье, которые видела в нашем общежитии.

– Есть, – коротко сказала мама.

– А где тогда моя бабушка? – спросила я.

– Мы с ней разругались очень давно, – уже с раздражением ответила она.

– А как её зовут? – не могла уgomониться я, так как любопытство нарастало.

– Варвара.

Вот после бабушки я тогда и спросила о своём папе.

– Он нас бросил. В первый раз, когда я забеременела, а во второй – после твоего рождения, – уже со злостью произнесла мама.

– Как это – один и второй? – не поняла я.

– Вырастешь, поймёшь. Все мужики – кобели. Детей сделают и свалят к тем, у кого ещё нет детей.

Я тогда не очень разобралась в её ответах, но раз она сказала, что это пойму, когда вырасту, то и решила подождать. Маме я доверяла, и ближе неё у меня никого не было, хотя своим детским чутьём я чувствовала, что меня мама не очень любила, а может, и совсем не любила. Я её всегда раздражала и явно была ей обузой.

– Из-за тебя у меня никакой личной жизни! – говорила она мне в момент крайнего раздражения. В таком состоянии мама пребывала часто и могла ущипнуть меня или дать подзатыльник.

В свои четыре года я плохо понимала, что такое – личная жизнь. Но когда в нашу комнату приходили те самые «мужики-кобели», мама краснела, улыбалась, и у неё появлялись милые ямочки на щеках. Вот в такие моменты, я решала, что это и есть признак личной жизни моей мамы, а для её налаживания меня выгоняли в коридор общежития, где я бродила иногда часами, пока кто-нибудь из соседей не подбирал меня к себе.

Моя мама нравилась мужчинам, она была милой и миниатюрной женщиной, с прямыми волосами и круглым лицом. Как-то она показала мне на улице моего отца. Мне папа совсем не понравился. Тогда, в четырёхлетнем возрасте, я ещё не понимала, что такое пьяный человек. Мой отец стоял, пошатываясь, как дерево на ветру, но при этом умудрился махнуть нам рукой.

Я тогда подумала, что он сейчас упадёт, но он смог удержаться на ногах. По его затуманенным и равнодушным глазам я поняла, что махал он только моей маме, как старой знакомой, меня же просто проигнорировал. Я сразу вынесла свой детский вердикт – в обязанности моего отца-кобеля входит сделать ребёнка, а дальше он о нём забывает. Увидев впервые отца и зная мать, я никак не могла понять, на кого я похожа сама. Не было у меня никакого сходства с моими родителями. Я решила, что, скорее всего, на бабушку Варвару, которую я никогда не видела, но очень хотела с ней познакомиться.

– Поразительно! В кого ты такая пошла? – с раздражением ворчала мама, при этом драла расчёской мои непослушные, кудрявые волосы. Мне было очень больно, но я молча сидела и глотала слёзы. Я не помню, когда плакала в последний раз, давно привыкнув к маминому раздражению и её тумакам.

Из-за моих непослушных, вечно путающихся волос, мама меня постоянно стригла – брала ножницы в руки и с остервенением коротко стригла меня «под мальчика». Меньше всего она хотела заморачиваться со мной. Главное, чтобы я как можно меньше раздражала её и мешала её личной жизни.

Маленькой я была очень нескладной, худой от недоедания, выше своих сверстников, с неопрятной стрижкой. И единственная моя особенность – большие миндалевидные, карие глаза. И если бы не платье, меня можно было принять за мальчишку.

Может ли быть ребёнок несчастлив? Само детство – это уже счастье. А может ли быть человек счастлив? Большинство сейчас счастливы, а через минуту – уже нет. Но я научилась быть счастливой – сохранив счастье и перенеся его из детства во взрослую жизнь. По характеру я оказалась непокорной, настойчивой, требовательной к себе, и очень быстро реагировала на события, касающиеся меня. И вот этот мой характер сослужил огромную службу в дальнейшей моей судьбе.

Наверное, наша жизнь так, и протекала бы в общежитии да на швейной фабрике, но однажды в комнату постучали, и на пороге предстала очень красивая женщина возраста моей мамы. Увидев её, я распахнула глаза и открыла рот.

– Господи, Ленка! – крикнула моя мама и тут же кинулась обнимать женщину.

– Верочка! Я нашла тебя! Наконец-то! – женщина освободилась из объятий моей мамы и тут вдруг увидела меня. – Это твоя? Ой, какая забавная, на мальчика похожа! Мне мама сказала, что ты родила от Витьки Климова. Обалдеть! – тараторила эта женщина, которую мама назвала Ленкой. А я продолжала сидеть и во все глаза рассматривать эту симпатичную незнакомку, которая так разительно отличалась от всех, кого я до этого знала. Женщина была одета в брючный костюм, на голове красивые очки от солнца, а длинные и прямые волосы собраны в хвост.

Я перевела взгляд на маму и впервые нахмурилась – моя мама рядом с этой Ленкой выглядела никакой, даже тень бы смотрелась лучше.

– Меня зовут тётя Лена. А как тебя зовут, малышка? – подошла ко мне эта красивая женщина.

– Дамаск, – ответила я.

– Ой, боже, какое необычное имя! – воскликнула удивлённо гостья.

Мама скривилась.

– Моя мамаша постаралась. Сказала, имя не оговаривается и остаётся только таким. Лично мне всё равно.

– Вер, ты чего? Она же твоя дочка...

Красивая женщина полезла в сумку, вытащила оттуда коробку и дала мне. В коробке была кукла. У меня никогда не было таких игрушек, и я счастливо улыбнулась. Эта тётя мне нравилась всё больше и больше.

– Спасибо, – произнесла я, показывая куклу маме.

– Ты надолго? – спросила моя мама, не обратив внимания на куклу.

– Я за вами! Поехали ко мне! – выпалила тётя Лена.

Я уже их не слушала, так как рвала картонку, чтобы достать красивую куклу. Помню только, что тётя Лена звала маму в Москву. Она закончила юридический и там познакомилась со своим мужем.

– И как ты его подцепила? – кисло спросила её мама.

– Ой! Вера, он замечательный человек. Вдовец. У него есть сын от первого брака. Замечательный дом. Вот. Теперь я его жена. А мне нужна помощница по хозяйству. И естественно, я вспомнила о тебе. Ты – моя лучшая подруга! Бери Дамаск и поехали ко мне! Нечего тебе тут прозябать! – тоном, не требующего возражения, произнесла тётя Лена.

Глава 2

Вот так, в возрасте четырёх лет, я попала в Москву и переступила порог дома, который показался мне дворцом после нашей комнаты в общежитии. Величественный дом в три этажа находился за высоким забором, внутри которого находился большой ухоженный сад с беседкой и местом для барбекю, а также гараж, в котором стояли три автомобиля. По правую сторону немного в глубине находилась пристройка – маленький домик, вот в нём и поселились мы с мамой.

Я никогда не забуду, как впервые увидела дядю Николая. К нам навстречу вышел высокий мужчина, огромнее нашего шкафа в комнате общежития. Правда, мне было всего четыре годика, но это была истинная правда – муж тётки Лены был высоким, красивым и статным. С тёмными волосами и синими глазами. Я восторженно созерцала этого великана, открыв рот, а этот великан, увидев меня, рассмеялся.

– Как зовут смешную девочку? – спросил он меня.

– Д-дамаск, – пролепетала я.

– Как?! Это что шутка?

– Нет, – скривилась мама. – Её зовут Дамаск, так нарекла её моя мама.

– Замечательно! – дядя громко захохотал, и я опять открыла рот от удивления.

Моя мама зарделась, как обычно при виде мужчины. Тётя Лена засмеялась, а потом представила своего мужа моей маме.

Ближе к вечеру пришёл Антон – сын дяди Николая. Для своих двенадцати лет он был достаточно высокого роста. И я подумала, что сын явно пошёл в отца. Внешне они тоже были похожи, только глаза Антона – не синие, а чёрные, наверное, как у его матери, которая умерла. Тогда я снова подумала о себе и снова задалась вопросом – на кого же похожа я? Но долго об этом не думала, впечатления захлестнули меня.

Началась наша новая жизнь в доме у адвоката Николая Даммова. Мама прилежно убирала дом, тётя Лена работала, помогая мужу в его юридической фирме. Дядя Николай был профессионалом своего дела, очень уважаемым человеком в своих кругах, и всегда много работал. С его сыном Антоном я никогда не общалась и практически совсем с ним не виделась – тот был сам по себе. Тётя Лена приходилась ему мачехой, мы с мамой – непонятно кем, просто работница с маленькой дочкой в доме его отца. Антон признавал только отца и своих друзей.

Тётя Лена была очень доброй и хорошо относилась к Антону. Иногда я жалела, что моя мама – не тётя Лена. И всё потому, что попадая под горячую руку матери, я постоянно продолжала получать затрецины и оскорбления. Мама хоть и перебралась поближе к столице, в элитный район, и жила в доме лучшей подруги, но оставалась всё такой же озлобленной и вечно недовольной. Видимо, что-то в личной жизни у неё опять не ладилось. Правда, только при мне она снимала свои маски и показывала истинное лицо. В присутствии тётки Лены и дяди Николая она была само очарование. Чем старше я становилась, тем больше презирала мать за многие вещи, которые мне не нравились. Я же была очень живым и любопытным ребёнком и всегда умела за себя постоять. Мне приходилось отстаивать свои интересы, принимать жизнь такой, какая она есть, и при этом радоваться и быть счастливой.

Пожалуй, то, что я приехала сюда совсем крохой, повлияло на дальнейшее моё воспитание. Я была принята в доме Даммовых, с ними ужинала, обедала, и тётя Лена сама отвозила меня сначала в детский сад, а потом, когда подросла – в школу.

Нрав у меня был очень крутой – меня побаивались, ненавидели, унижали и уважали одновременно. Так как в школе я была среди детей, которые жили вокруг нас, то я была по сравнению с одноклассниками бедной родственницей. Все были одеты лучше меня, постоянно меняли ручки, часы, аксессуары и игрушки. У меня всего этого не было, но мне всегда было

на это наплевать. Я быстро росла, и одежда становилась мне мала. Мама, конечно, покупала мне недорогие платья, джинсы, но всего этого было не так много, как у моих одноклассниц. За мой рост я получила кличку Дылда, а потом её поменяли на Оборванку, это из-за одного случая в школе...

Одна моя одноклассница получила от меня в лоб за то, что она обозвала меня оборванкой. Девочка разразилась слезами, и мою маму вызвали в школу. Но пошла туда не мама, а дядя Николай. Естественно, вечером я была вызвана к нему в кабинет для разговора. Этот кабинет всегда был для меня святая святых, ведь там работал такой большой человек. В тот день я впервые оказалась там. В кабинете стояло огромное кожаное кресло, длинный стол, стеллажи с книгами до потолка и диванчик, на который я тогда залезла с ногами и вопросительно уставилась на хозяина этого места, абсолютно не боясь ни его, ни разговора, который должен был состояться.

– Ну? Зачем ты дала по голове той девочке? – сидя в кресле напротив меня, спросил дядя Николай, хотя я заметила, что глаза его смеялись.

– Я не жалею об этом, и ещё ей дам, если хоть раз обзовёт меня оборванкой! – в сердцах воскликнула я.

– Но ты же хорошо одета. Почему вдруг оборванка? – удивился дядя Николай.

– Потому что у меня нет мобильного телефона! – я сощурила глаза и сжала губы. Видимо, выражение моего лица было очень комичное, потому что дядя Николай рассмеялся.

– Я куплю тебе мобильный, – отсмеявшись, произнёс он.

– Нет! – я отрицательно замотала головой.

– Почему? – вот теперь он был явно удивлён.

– Принципиально! Меня будут любить и уважать такой, какая я есть, а не за телефон! Я не приму его! – гордо задрал нос, произнесла я.

– Умничка! Вот поэтому ты мне очень нравишься, – ласково улыбнулся дядя Николай.

– А почему твоя фамилия Даммов? – спросила я. – Какая-то девчачья.

Он опять рассмеялся и стал рассказывать о себе.

– Мой род идёт от викингов. Когда-то, очень давно, они пришли в эти земли. Викингов на Руси называли варягами. Ведь Балтийское море когда-то называлось Варяжским. А викинги или варяги жили за этим морем. Мои предки на Руси со времён Рюрика. Ты же видишь, какой у меня рост? – я кивнула, а он продолжил. – Моя фамилия идёт от фамилии Дам или Дамм с двумя «м». Но уже с веками поменялась на Даммов. Возможно, мои предки были торговцами или пиратами.

– А кто такой Рюрик? – спросила я.

– Это завоеватель и основатель русско-княжеской династии Рюриковичей. Он объединил племена, и вот тогда на карте появилось новое название – Русь. Рюрик пришёл с двумя братьями и дружиной и стал первым князем. Но всё это ты ещё будешь проходить по истории в школе, – дядя Николай улыбнулся. – А вот моё настоящее имя – Николас, а у Антона – Антониус.

– Ух-ты! – я сидела с открытым ртом. С этого дня я перестала называть его Николаем. Для меня он стал Николас. Теперь я понимала, почему он не разрешил называть его дядя Коля, а только дядя Николай. Но с этого дня я решила – для меня он только Николас, ничто другое ему не подходило.

– Мы редко произносим полное имя, – он потрепал меня по голове. – Когда уже твоя мама перестанет стричь тебя под мальчишку? – этот вопрос он больше задал себе, чем мне.

– Они непослушные, поэтому она и стрижёт их.

– Волосы тут не причём. Это твоя мама за тобой не смотрит.

Мне очень понравилось в кабинете у Николаса, и с того памятного вечера я стала часто туда приходить, а с Николасом мы стали большими друзьями. Я могла просто тихо сидеть на

диванчике и слушать, как он говорит с кем-то по телефону. А ещё я очень полюбила читать, и Николас, заметив это, стал постоянно покупать для меня книжки. Мне казалось, что теперь я полностью счастлива, хотя друзей в школе у меня так и не было – меня, как оборванку, не принимали дети, но именно книги заменили мне друзей. Я увлеклась историей, географией, обо- жала литературу, и мне очень легко давались технические науки. Со временем я стала одной из лучших учениц в классе. Меня не любили, но меня уважали, и мне завидовали, при том, что мобильного у меня по-прежнему не было. Если я говорила «нет», то это было твёрдое «нет». Изменить моё мнение было невозможно.

– Чтобы изменить твоё мнение, нужно быть волшебником, – говорил Николас, а я сме- ялась.

Тётя Лена своих детей не имела, и всё внимание уделяла мне. Антон рос сам по себе, ему исполнилось четырнадцать, и он продолжал тянуться к отцу. С годами он стал неплохо относиться к мачехе, так как она была добра ко всем. Более доброго и наивного человека я в своей жизни не встречала. Именно наивность делала тётю Лену очаровательной. Николас её очень любил и восхищался, что эта добрейшая женщина верила, что мир и жизнь – это одна большая радость.

Так прошло ещё три года моей жизни у Даммовых. И в один из летних дней тётя Лена предложила моей маме съездить в деревню. Но моя мама отказалась, сославшись, что не хочет оставлять дом.

– Слишком много работы, – посетовала она.

– Тогда я возьму Дамаск. Она подросла и мне с ней не будет тяжело в дороге, – ответила тётя Лена.

Моей маме, видимо, было всё равно, потому что она только пожала плечами. Я же была вся в предвкушении новых впечатлений, каникул, смены обстановки, а главное – я снова увижу места своего детства.

И вот через неделю после того разговора с тётёй Леной я снова вернулась в места, где родилась и когда-то жила. Мне исполнилось девять, и я не была здесь целых пять лет. Но к своему удивлению поехали мы не в город N, где находилась швейная фабрика и общежитие, а отправились дальше на поезде, потом на местном автобусе и вышли в самом прекрасном месте, которое я когда-либо видела. Я очень хорошо помню, как чувство восхищения охватило меня – кругом необъятные зелёные дали, труднопроходимые хвойные леса, а впереди – огром- ное поле, через которое мы шли пешком, потом дорога повела нас через небольшой лесок, и вдруг деревья расступились, и перед нашими глазами открылась потрясающая картина – яркая поляна и рядом зеркальное озеро, в котором отражается небо и деревня, которой очень много лет. Я сразу влюбилась в это место, для меня оно показалось волшебным. Место, где происхо- дят чудеса, где оживают сказки со счастливым концом.

Мы прошли несколько домов, обнесённых заборами и, открыв одну калитку, ступили во двор, где величественно стоял дом-сруб.

– Это мой дом. Я здесь родилась и выросла, – произнесла тётя Лена.

Распахнулась дверь, и мы обе оказались в объятиях пожилой женщины.

– Дамаск, это моя мама, баба Настя, – представила мне её тётя Лена.

– Ой! Красавицей вырастет! – воскликнула баба Настя. – Ты только посмотри на неё! Даже не пойму, в кого она такая уродилась? На кого похожа? На Верку не похожа. Да и Витька совсем другой, – она покрутила меня, рассматривая. – Вот уж кто ворожеей бы стал, так вот эта девочка. Варвара очень страдала первое время без внучки. Что же там Верка с ней не поделила?.. Не знаю даже, но помню, что в один из дней Верка забрала девочку и укатила в город.

– Я схожу к Варваре. Пусть на внучку посмотрит, – произнесла тётя Лена.

И тогда я поняла, что уже скоро увижу свою настоящую бабушку.

Глава 3

...Помню, в тот день мы встали с тётёй Леной рано. Шли мы не очень долго, только прошли всю деревню. Старый дом стоял отдельно на отшибе, примыкая к лесу, а лес наступал, окружая огромными деревьями дом. Казалось, что деревья и сам лес охранял этот дом. Высокие деревья, как богатыри-сторожа, окружили это место. Своим чутьём я понимала всю бесконечность леса. Запросто можно потеряться – это же тайга. Всё место вокруг дома произвело на меня неизгладимое впечатление. Мне казалось, что я попала в страну чудес – дом был странным, очень тёмным, неокрашенным, с каким-то непонятным забором из кольев, так что мне тут же привиделась Баба-Яга из книжек. Я совсем не удивилась, когда именно такого вида старуха открыла нам дверь – на ногах её были обуты войлочные тапки, а на самой надето длинное тёплое платье длиной по щиколотку, да ещё и вязаная жилетка, хотя на дворе стояло лето. Седые волосы старухи, были аккуратно затянуты в тугий пучок, а ещё у неё отсутствовали два нижних зуба, а на верхней губе росли усы, при этом спина у неё была довольно сутулой, как будто она имела горб, только чёрного kota не хватало на плече для полного образа. Тогда я пришла в ужас от того, что эта старуха моя бабушка. Почему-то я сразу представила себя такой же в старости и поняла, что стареть не хочу. Я вообще не хотела расти, меня всё устраивало в этом времени, и казалось, что если я вырасту, то ничего хорошего из этого не получится.

Старуха же пронизала нас стальным взглядом, а я гордо задрала подбородок, показывая, что не боюсь её. Хотя мне было по-настоящему страшно, но я, была бы не я, если бы показала обратное.

– Дамаск и Лена... А моя... значит, не приехала... – старуха пропустила нас внутрь тёмного дома.

Я таких изб ещё никогда не видела, да я вообще такого даже не представляла. Разве может в наше время техники существовать такой дом, где висят травы, какие-то корни, даже лапы животных! Я аж поёжилась...

Бабка резко нагнулась ко мне.

– Страшно?! – рявкнула она.

Я вздрогнула.

– Нет. Необычно, – громко ответила я.

– Молодец. Смелая. Ну, Леночка, рассказывай, – бабушка, забыв на время обо мне, переключилась на тётю Лену.

Тётя Лена стала рассказывать про то, как мы живём.

– Всё получилось, как вы мне нагадали, – хихикнула тётя Лена.

– Конечно, ведь я же видела будущее. Скажи, зачем ты к себе потащила мою Верку? Я ведь предупреждала тебя! Вот бестолковая! Я же гадала тебе!

– Она моя подруга.

– А вы гадалка? А что вы нагадали? – поинтересовалась я, влезая во взрослый разговор.

– Твою бабушку считают ведьмой, – тихо прошептала тётя Лена. А старуха, которую звали Варварой, от этих слов дико захохотала. У меня от слова «ведьма» и этого хохота волосы зашевелились на голове.

– Правда? – прошептала я. Мне хоть и было страшно, но дикое любопытство уже снесало меня.

– Правда-правда! Только «считается» – не считается. Я ведь есть самая настоящая ведьма! – старуха Варвара изучала меня своими пронзительными водянистыми глазами.

– А мне можно погадать? – спросила вдруг я.

Бабка ещё долго на меня смотрела, а потом утвердительно кивнула, кляцнув при этом зубами, и показала на другую дверь.

– Одна пойдёшь.

– Но она маленькая! – стала возражать тётя Лена.

– Мне она интересна. Эта девочка не так проста, как кажется. К тому же ты знаешь законы гадания.

Я уже ничего не слушала, смело прыгнула со стула и вошла в другую комнату. В этой комнате царил полумрак. Там стояли старая деревянная кровать у стены, древний сервант со стеклянными дверцами, в котором виднелись непонятного назначения горшочки и баночки, а у маленького окна стоял круглый стол, покрытый темной скатертью, и только два стула. На стенах тоже висели какие-то непонятные картинки и схемы. Я толком не поняла, что на них изображено, меня они мало волновали, я хотела узнать о своём будущем.

– Садись на стул, – проскрипела бабуля. Я тут же послушно устроилась на жёстком деревянном стуле.

Моя бабушка подошла к серванту, что-то оттуда вынула и принялась громыхать посудой. Потом повернулась и подошла ко мне.

– На, выпей, – протянула мне кружку с какой-то тёмной жидкостью.

– Это зачем? – я с подозрением посмотрела на ведьму.

Та опять засмеялась.

– Ох, нравишься ты мне, непокорная. Оставила бы себе, но не могу. Не для меня ты. Хотя при рождении две дороги у тебя было, но не хотела принимать тебя судьба в качестве ведьмы.

– А зачем я вам? Вы меня съедите? – ляпнула я, понимая, что мне девять лет и глупо задавать такой идиотский вопрос.

– Нет, – хихикнула Варвара. – Я же сказала, сделала бы из тебя ведьму. Но поздно, маленькой ты должна бы быть... очень маленькой. А Верка сбежала с тобой, когда ты была крохой. Вот время и упущено. Пей.

Я выпила эту жижу. Странно, как вода... никакого вкуса. Ведьма за мной внимательно следила, а потом вдруг оскалилась, показывая дырки от зубов. Я же резко почувствовала в себе перемены. Вроде я сижу тут, а вроде меня где-то носит по воздуху, мотает из стороны в сторону, обратно возвращает, а потом опять кидает, то влево, то вправо. Хотя сама я сижу на стуле и не двигаюсь, но чувствую, как будто душу мою вытащили из меня, и она где-то носится, в догонялки с кем-то играет. Варвара сначала достала и разложила карты, потом кинула на карты камушки, затем сухие палочки и шишки. Я смотрела на всё это со стороны, без удивления, меня всё ещё где-то носило, по каким-то неизвестным тропам. И вдруг всё резко пропало. Я опять была сама собой.

– Что это было? – я приходила в себя, трогала ладошками горящие щеки и хлопала глазами.

– Ты была в своём будущем, а я смотрела на твои дорожки...

– И что там? – я уже была вся во внимании.

– Сколько страсти и любопытства, – ведьма опять дико засмеялась. – Ладно. Скажу. Слушай меня внимательно. Числа... твоё число три. От этого числа будет зависеть вся твоя судьба. Запомни... волшебное число – три. Будет и четыре. Оно написано сразу, и от тебя это не зависит, оно всегда будет с тобой идти по жизни, а вот три... оно всё для тебя, и всё может измениться... чары развеются... колдовство спадёт... или найдёшь... или потеряешь... три... настоящая волшебная тройка, и только тогда освободишься...

– И это – всё? И что я теперь – на тройки и четвёрки буду учиться? – разочарованно произнесла я.

– Скоро тебя ждут потрясения и потери... А дальше... всё зависит от тебя... Ты найдёшь настоящую дружбу, познаешь предательство. Если воля твоя сильна, и ты будешь умна, то познаешь счастье, если слаба и глупа, то тебе счастье судьба даже не предложит, тогда смерть ждёт тебя.

Я была немного разочарована. Кроме чисел «три» и «четыре» зацепиться было не за что. Всегда так говорят – будь умна и будешь счастлива, а будешь глупа – дурой проживёшь. Дуру могила исправит. Поэтому я решила не особенно верить, но про число «три» запомнила. И про число «четыре», которое со мной по жизни пойдёт, тоже.

– Бабушка, а почему меня назвали Дамаском? Ведь это твоя идея! – вспомнила вдруг я.

– Когда-то, давным-давно, жил такой путешественник, доктор Линакр. Посетив город Дамаск в Сирии, он увидел самую красивую и пахучую розу. И тогда он привёз в Европу эту дамасскую розу. Она покорила всех женщин своими ароматом и красотой. Самая красивая и самая колючая роза в мире. Именно в те года в Европе была мода на имя Дамаск. Очень многих девушек называли этим именем. Жаль, что оно теперь утратило своё величие.

Я кивнула и поняла, что гадание подошло к концу. Выйдя из комнаты, я устроилась на лавке, а моё место в соседней комнате заняла тётя Лена. Она очень долго не выходила, а так как мы сегодня встали очень рано, то меня сморил сон...

...Я сидела на скамейке и держала в руке букет из трёх роз, а ведьма в котле варила суп и собиралась туда бросить меня вместе с букетом. «Три, три, три и четыре!» – кричала Варвара.

Я проснулась. Дверь открылась и оттуда вышла тётя Лена. Она была немного странная, мне показалось, что грустная и потерянная. Я резко почувствовала, что с этой минуты в нашей жизни всё изменится...

Как только мы вернулись в Москву, то я сразу заметила перемены в моей маме. Она опять улыбалась, щёчки её горели и выступали кокетливые ямочки. Тётя Лена стала немного задумчивая, а Николас встревожено на неё посматривал...

В один из дней мы с мамой стояли перед домом.

– Почему ты не ездила к бабушке? – спросила я её.

– А зачем? Чтобы она мне опять нагадала пьяного любовника или беременность. Только Ленке она гадает всё хорошее! – глаза мамы горели злобой и завистью.

– Если бы ты была доброй, то и тебе бы гадали хорошее, – я любила тётю Лену и не могла позволить обидеть её. Не могла даже слышать оскорбительные слова в её адрес.

Мать наотмашь ударила меня по щеке.

– Не смей её бить! – вдруг услышала я крик тётки Лены, она выскочила из дома и Николас следом с ней. Я держала ладонь на полыхающей щеке, но не плакала. Я привыкла, что мне дерут волосы, могут дать по голове. Я могла всё это стерпеть. Как оказалось, больнее не физическая боль, больнее душевная, и её я скоро испытала.

– Зачем ты её ударила? – крикнул Николас, а тётя Лена обняла меня и вдруг впервые заплакала.

– Пусть не хамит мне! – с вызовом произнесла мама. Я заметила, что мама перестала выглядеть, как работница, казалось, она теперь тут хозяйка – в ней появилась странная уверенность на вседозволенность.

Николас взял меня за руку и отвёл в свой кабинет.

– Она часто тебя бьёт? – ласково спросил он, но глаза были очень серьёзны. Тётя Лена, вытирая слёзы, стояла тут же. Мне показалось, что она давно хотела плакать, только не могла найти повод, чтобы расплакаться. А вот сейчас, может, и никто не догадается из-за чего же на самом деле она плачет.

Я молчала, теперь-то я знала, кто такие адвокаты. А Николас и тётя Лена были именно ими. Сидя здесь, в этом самом кабинете, я не раз слышала разговоры о том, что матерей и отцов лишают родительских прав за избиение детей. Остаться сиротой я тоже не хотела. Именно поэтому не могла сказать, что моя мама может меня ударить только потому, что у неё плохое настроение.

Не дождавшись ответа, Николас тяжело вздохнул.

– Идите обе сюда! – Николас раскрыл руки для меня и тётки Лены. Мы подошли и сели на его колени. Николас был огромен и даже в его объятиях мы утонули вместе с ней. – Я хочу вам обоим сказать, что я вас очень люблю. Я вас люблю. Никогда не забывайте этого. Это очень важно.

Мне казалось, что глядя на тётю Лену, Николас извиняется, признаваясь ей в любви. А я, увидев их, заплакала в первый раз. Я всегда была сильная, очень сильная, но мне никто никогда не говорил, что любит меня. Наверное, они помирились из-за меня, потому что оба улыбнулись и стали меня успокаивать. В этот день, меня положили спать в большом доме, отведя для меня комнату. Теперь у меня была своя личная комната.

Казалось, жизнь в доме налаживалась. У меня была своя комната, но я по-прежнему проводила много времени в кабинете Николаса. Когда в нём никого не было, я там читала свои любимые книжки. В один из дней меня сморил сон, и я уснула прямо в кресле кабинета, свернувшись калачиком. Из-за стола меня даже не было видно. Когда я проснулась и вышла в коридор, то услышала какие-то странные звуки и, подойдя к приоткрытой двери Антона, распахнула её. То, что я увидела, меня повергло в шок. Антон абсолютно голый лежал на голой девушке. Я видела их тела, я видела его попу. Вскрикнув, я бросилась бежать.

– Вот, дьявол! – последнее, что услышала я. Мне было девять, Антон в последнем классе школы. Что они делали, я не понимала, но мне показалось, что это что-то очень плохое. Ужас сковал меня, мне казалось, что я никогда не смогу произнести ни одного слова. Я выскочила на улицу и побежала. Потом, когда бежать уже не могла, медленно побрела. Я ходила довольно долго и очень боялась вернуться домой. Я ждала вечера, когда появятся Николас и тётя Лена, только тогда я смогла бы вернуться. Когда я вернулась к дому и позвонила, то открыл мне Антон, который поджидал меня. Он схватил меня за пояс и головой вперёд потащил внутрь.

– Только попробуй сказать моим родителям. Убью! – зашипел он.

Дело в том, что во мне жил странный феномен непонятной защиты. Поэтому со мной не могли справиться одноклассники. Меня нельзя заставить что-то делать насильно и меня нельзя хватать насильно, я начинаю защищаться, требуя своей свободы, – это какое-то врождённое состояние и от меня независящее.

Я никогда и никого так не боялась, как Антона в ту минуту. И, конечно же, я дико закричала, стала извиваться и вырываться. Я вцепилась ему в руку зубами и напоследок лягнула между ног. Он выпустил меня, согнувшись пополам.

На мои крики сбежались все. Я с дикими воплями подбежала к тётке Лене и спряталась за её спиной.

– Зачем ты к ней приставал? – почему-то засмеялся Николас.

– Она меня укусила! – крикнул Антон.

– Конечно, если схватить её, она укусит! А ты её, между прочим, испугал! Она тебе по пояс, при твоём-то росте! – не ругался, а разъяснял ему отец.

Антон молча обошёл всех нас и вернулся в дом, хлопнув дверью.

Моя мама ничего не сказав, вернулась к себе, ей явно было всё равно. Мы же трое остались на улице.

– Что случилось? – мягко спросила меня тётя Лена.

Я, раскрыв глаза, замахала руками, открывая и закрывая рот.

– Он... она... они там... голые были... а он... а она... – я больше не могла ничего сказать.

– Так, понятно.

Николас хмыкнул. Кажется, его это всё забавляло, а тётя Лена погрузилась. Она не была мамой Антону и не могла на него повлиять.

– Антониус вырос, они с отцом очень похожи. И мальчик уже стремится к девушкам, которые ему нравятся. Ты должна понять...

– Не хочу! Это... гадко! – я вырвалась и убежала к себе в комнату.

Через день мы столкнулись с Антоном в коридоре.

– Мы викинги, – он перекрыл коридор своей фигурой, расставил ноги и раскрыл руки, как бы пытаюсь поймать меня и испугать, – мы получаем, что хотим, – устрашающим голосом заговорил он. Я попятилась. – Мы женились на девочках двенадцати лет и младше.

– Ты сядешь в тюрьму! Или я сяду, убив тебя! – зло выкрикнула я и побежала на него.

Меньше всего Антон ожидал именно этого. Я юркнула между его длинными ногами, побежала дальше и со всей силы натолкнулась на Николаса, который еле сдерживался, чтобы не засмеяться.

– Антониус, прекрати её пугать! – весело произнёс ему отец.

– Я пошутил! – засмеялся Антон.

Но с того дня в доме я стала двигаться очень тихо, чтобы случайно не натолкнуться на Антона. Но больше мне он не попадался. Да мы ведь и раньше никогда не общались.

А ровно через неделю я вторично сбежала из дома, но вот возвращаться домой больше не хотела...

...Я проскользнула в дом на носочках, чтобы не застать Антона и тихо поднялась на второй этаж. У кабинета я услышала голоса, один принадлежал моей маме, другой Николасу.

– Почему ты мне отказываешь? Когда не было Ленки, всё было нормально. А теперь она вернулась, и ты меня не хочешь, – шипела моя мама.

– Лена – моя жена и хорошая женщина. Ты сама ко мне пришла. Я не хотел этого.

– Все вы не хотите, но все со страстью это делаете.

Я услышала, как шуршит одежда, а потом снова голос матери.

– Давай, иначе я расскажу Ленке, как мы с тобой кувыркались в постели!

Теперь я что-то стала понимать – улыбка, мамины ямочки, красные щёчки, мужики-кобели в общежитии, те часы, в которые меня выгоняли в коридор... и мамина личная жизнь, которая никак не устраивалась. Теперь я ясно поняла, что мама подразумевала под личной жизнью. Казалось, сама судьба специально показала мне этот гадкий момент с Антоном, чтобы я поняла, что делают мужчина с женщиной. Я повзрослела в эту минуту и от обиды, переполнявшей меня, подошла к двери и резко открыла её.

Моим ещё детским глазам предстала картина – Николас держал руки моей матери, а она стояла перед ним почти голая, только в одних трусах. Но я смотрела не на неё, я смотрела на Николаса – в его глаза, в его лицо. Если ситуация с Антоном никак не отразилась в моей душе, и я только испугалась, а вот Николаса я любила, он был для меня всем, и он меня в один момент разочаровал. Разрушил всё то, что я о нём возомнила. Обида переполняла меня, и я не сдержалась.

– Ты лжец! Как ты мог быть с ней! С ней? – я с презрением посмотрела на мать. – Я ненавижу вас и этот дом ненавижу! Лена лучше вас всех! Только её я буду любить! А ты... ты... ты был для меня всем... а теперь... я не хочу тебя знать! Я ненавижу тебя! – и, развернувшись, побежала вниз по лестнице.

Я слышала, как сорвался Николас, призывая меня остановиться. Но, не обращая внимание на его голос, выскочила на улицу, бежала и бежала, убегая как можно дальше от этого дома, этого посёлка, этой местности.

Устав бежать, я остановилась и глазами, полными слёз, посмотрела вокруг. Я находилась на лугу, где пахло цветами, где ветер обдувал мои щёки, которые горели от горечи и потери. Свалившись в траву, я просто отключилась.

Конечно же, меня нашли. Николас вызвал полицию, меня искали, обыскивая каждый метр и, в конце концов, нашли. Меня пытались успокоить, но тщетно. Я клятвенно обещала, как заводная, что опять убегу и проклинала на чём свет этот дом. Я не хотела не только жить в этом доме, я физически не могла находиться в нём. Только одну тётю Лену я подпускала к

себе, и она часами сидела со мной в комнате, держа в объятиях и глядя по голове, пытаясь успокоить и поменять моё мнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.